

Леонид Андреев. Фельетоны разных лет

Электронные оригиналы находятся здесь: [In Folio: электронная библиотека](#) и здесь: [Библиотека. Леонид Андреев.](#)

Впечатления

1[*]

Недавно я перечитывал Глеба Успенского, смеялся и грустил и с радостью преклонялся пред благородством и чистотой души этого человека, в страданиях искавшего но всей широкой России давно затмившейся правды и давно обороненной совести. Ожили перед моими глазами мертвые черные строчки и буквы; то были частицы его страдающей души, а все вместе сверстанные, сброшюрованные и пущенные на рынок, они составляли все то, что он отнял у себя и отдал нам – его светлый разум. Отданный той же с болью любимой родине, он продолжает творить свою благотворную работу. Но где же он сам, этот страдалец за чужие грехи, этот всеми нами любимый и чтимый Глеб Успенский? Что говорят о нем, о его здоровье, о его жизни? Какова бы ни была, она дорога ведь нам. И стыдно мне стало за себя и за всех нас, когда ответом на все эти вопросы явилось тупое и дикое: не знаем. Где он – не знаем; какова его жизнь – не знаем, потому что об этом не говорят и не пишут. Да жив ли он, наконец? – этот вопрос был как-то предложен мне одним интеллигентом, пораженным безмолвием могилы, окутавшим дорогое имя. Но, подумав, искушенный опытом, российский интеллигент сам же и ответил: вероятно, жив, потому что иначе о нем говорили бы много, горячо, хорошо и с любовью.

2.

Замедляется темп рабочей жизни, и Москва начинает переходить к отдыху и веселью!

Готово к принятию своих гостей и Девичье поле. Выстроились рядами балаганы и другие маленькие храмики народно-детского искусства, где попискивает неунывающий Петрушка.

Дальше на наружной галерее большого балагана дает образчики скрытых в нем наслаждений традиционный клоун. У него длинные воротнички, намазанное мелом лицо и красный от мороза нос. Старые, но вечно новые остроты по поводу рыжих, кривых и тетки Пелагеи. Немного соли, но публика довольна, повторяет остроты и смеется: быть может, ей приятно именно то, что и прошлый год она слышала то же, и то же услышит в будущем. Смешно и то, что в толпе действительно находится именно рыжий, по-видимому, прасол или мелкий торговец. Он отходит от балагана, а зрители провожают его добродушно-насмешливыми взглядами, и один, немного хмельной, даже подмигивает. Но рыжий серьезен и мрачен – сколько уж он слышал остроумных шуток над своей несчастной шевелюрой!

Но вот, с другого конца поля, где грохочут на "французской горе" небольшие платформочки, доносится громкий, настойчиво зовущий звон колокола. Толпа бросает клоуна и устремляется на звон. Иду и я. Налево тесно стоят палатки с подсолнухами, орехами и сладостями. В стороне сбивенщик наливает желтоватой горячей водицей стакан. Он так липок и грязен, что палец прилипает к нему, как притянутый магнитом, но пьющие, видимо, не брезгливы.

Направо под веселые звуки гармонии, скрипки и бубна кружится карусель. Подхожу ближе и невольно останавливаюсь, очарованный милой картинкой. Я уже раньше заметил целый выводок приютских ребятишек самого юного возраста – от шести до 10-11 лет. Мальчики в темно-серых поддевах, наушниках и больших картузах, из-под которых едва виднеются бледные, несмотря на мороз, личики; девочки закутаны платками. Точно цыплята, они двигаются за какой-то дамой и дядькой, но, как цыплята, дисциплинированные, скромные, идущие парочками и за ручку. Одного совсем маленького человечка дядька несет на руках.

Теперь все эти человечки кружатся на карусели, мальчики на деревянных конях, а девочки в льялах. Какие потешные лица, какие позы! Девочки улыбаются и смотрят по сторонам, но мальчики серьезны, полны важности и страха. Вешенные кони уносят их в бесконечную даль, и смелые всадники с достоинством выполняют свою трудную задачу. Одни цепко держатся за холодный металлический прут голыми, красными ручонками, но, по-видимому, не чувствуют холода; другие обняли его и только два-три героя кружатся не держась. Кружится один горбатенький. Личико его, потерявшее детские очертания, печально, и не видно на нем ни радости, ни страха, ни важности. Самый маленький не отстал от товарищей и кружится на коленях у дядьки.

Когда карусель останавливается и детей снимают, они не сразу расстаются с ней. Один задумчиво смотрит на коня и, подняв ручонку, робко гладит его шею. Другой, более экспансивный, выражает свой восторг и благодарность коню дикими движениями, криками. Он дергает его за хвост, бьет по голове и кричит ему что-то на ухо и смеется, ни на кого не обращая внимания. Его уводят последнего.

Колокол продолжает звонить, созывая народ в большой деревянный театр, где представляется война буров с англичанами. На наружной площадке стоит какая-то черная, кривая махина, похожая не то на туловище трубочиста, не то на копченую колбасу на колесах. Надпись гласит: "Длинный Том". Тут же изредка показываясь, возбуждая любопытство, полузамерзшие буры – плохо выбритые субъекты в каких-то средневековых костюмах и с деревянными ружьями и пистолетами, и англичане с таким же оружием и бритвенными тазанами на головах. Нужно отдать справедливость режиссеру – для англичан он выбрал самые отвратительные физиономии. Чемберлен не показывался, – вероятно, не нашлось достаточно мерзкого лица.

Внутри театра темень и холодище. В щели пробивается синеватый дневной свет и борется с десятком свечей. Публики много, особенно на галерке; ребят наполовину. Тут же, в первых рядах, я увидел своих знакомцев – приютских. У раздетых артистов изо рта клубится пар; английский генерал в красных штанах, прямой, как палка, потирает покрасневшие руки. Драма в высшей